

Лукашевич Клавдия Владимировна

**По морю житейскому для
детей с возраста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
По морю житейскому для детей с возраста / Лукашевич Клавдия Владимиров-
на – М.: Книга по Требованию, 2026. – 317 с.

ISBN 978-5-519-94010-8

ISBN 978-5-519-94010-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ издателя.

Выходъ сборника „По морю житейскому“ совпадаетъ съ 25-лѣтіемъ литературной дѣятельности Клавдіи Владиміровны Лукашевичъ. Поэтому, мы помѣщаемъ, вмѣсто „предисловія“, краткія воспоминанія автора о началѣ выступленія ея на литературное поприще.

Первое произведеніе К. В. Л. „Памяти Государя Александра II“, было напечатано въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ 7-го марта 1881 года. „Когда я принесла это стихотвореніе въ Редакцію „Дѣтскаго Чтенія“, рассказывала намъ К. В.—, то, бывший въ то время редакторомъ, извѣстный педагогъ В. П. Острогорскій, очень удивился. „Сколько вамъ лѣтъ?—спросилъ онъ.—„Двадцать,,, —отвѣчала я.— Вотъ-то, никакъ нельзя дать этихъ лѣтъ! Вамъ кажется не больше 12-13 лѣтъ“.— Мнѣ показалось это обиднымъ и я поспѣшно сказала. Я уже два года какъ замужемъ и у меня есть дочь. Викторъ Петровичъ обласкалъ начинающую писательницу, одобрилъ ея стихотвореніе и оно было помѣщено въ ближайшемъ же номерѣ журнала. Такимъ образомъ, В. П.“—продолжаетъ К. Вл.—,былъ моимъ крестнымъ отцомъ на литературномъ поприщѣ. А затѣмъ много лѣтъ насъ связывала сердечная дружба и мое глубокое уваженіе къ этому прекрасному, всѣми любимому человеку, педагогу и писателю“.

Въ томъ же году были напечатаны и др. стихотворенія и рассказы въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ и иныхъ журналахъ для дѣтей: „словомъ, съ тѣхъ поръ я стала дѣтской писательницей“, прибавляетъ авторъ.

Въ 1887 г. К. Вл. получила премію С.-Петербург.

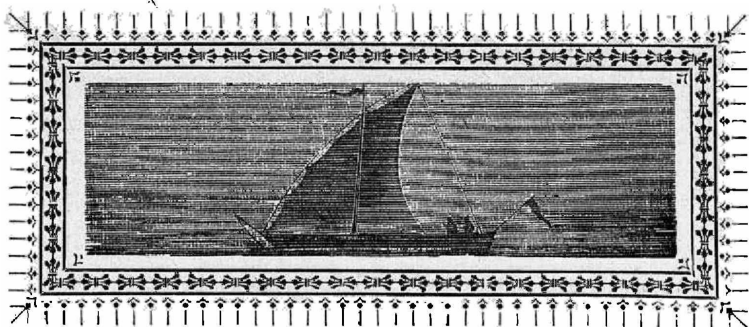
Фребелевскаго Общества за разсказъ „Макаръ“. Это дало ей нѣкоторую извѣстность и выдвинуло ея имя, вслѣдствіе чего явилась возможность для нея легче и доступнѣе помѣщать въ журналахъ свои произведенія. Разсказъ „Макаръ“ былъ и первымъ сочиненіемъ, вышедшимъ отдѣльной книгой.

„Экспертомъ по присужденію преміи, между прочимъ, былъ А. Н. Плещеевъ—любимый поэтъ дѣтства и юности. Я пошла къ нему“—говоритъ К. Вл.,—„посоветоваться о своихъ новыхъ разсказахъ, спросить его мнѣніе и просить поддержки. Алексѣй Николаевичъ встрѣтилъ меня какъ родной, обнялъ содѣйствіе и сказалъ: „вотъ вамъ мой заветъ—никогда не выпускайте пера изъ рукъ“. Я вышла отъ него счастливая, съ второй въ свои силы, съ надеждой на будущее. Заветъ любимаго и высокочтимаго поэта всю жизнь сіялъ мнѣ путеводнымъ огонькомъ и я не выпускала болѣе пера изъ рукъ“.

Съ тѣхъ поръ авторъ непрерывно пишетъ для дѣтей въ продолженіи 25 лѣтъ, помѣщая свои работы въ журналахъ: кромѣ «Дѣтск. Чтенія», въ «Семьѣ и Школѣ», «Семейныхъ Вечерахъ», «Игрушечкѣ», и «Дѣтскомъ Отдыхѣ», «Восходахъ», «Задумчивомъ Словѣ», «Родникѣ» «Свѣтлячкѣ» «Путеводномъ Огонькѣ» «Другѣ дѣтей» и др. изданіяхъ, уже покончившихъ свое существованіе.

Отъ Спб. Фребелевскаго Общества К. Вл. имѣетъ четыре преміи. Ея отдѣльныя сочиненія разошлись болѣе чѣмъ въ 1½ милліона книжкахъ. Но,—по словамъ писательницы,—самой дорогой наградой за ея труды служитъ то, что во многихъ современныхъ хрестоматіяхъ помѣщены отрывки изъ ея произведеній и по нимъ учатся дѣти почти во всѣхъ уголкахъ нашей обширной родины.

Издатель.

ВСТУПЛЕНІЕ.

По морю житейскому.

Катить жизненное море непрерывно свои волны. По этимъ волнамъ плывутъ большіе корабли и другія суда: пароходы, барки и маленькія лодочки и челноки. Это человѣческія жизни. У каждой изъ нихъ свой путь, свое назначеніе и свои цѣли; всѣ онѣ стремятся къ желанному берегу.

Иногда бываетъ прекрасная погода: солнце свѣтитъ ярко, грѣетъ и радуется... На морѣ штиль и оно сверкаетъ и переливается миллионами разноцвѣтныхъ огоньковъ. Такъ иныя жизни проходятъ безмятежно и счастливо.

Но вдругъ неожиданно, негаданно налетитъ свирѣпый ураганъ,—онъ треплетъ на волнахъ, бросаетъ изъ стороны въ сторону, обрываетъ паруса, ломаетъ мачты, а иногда разбиваетъ въ дребезги несчастныя суда, застигнутыя непогодой.

И на морѣ жизни бываютъ страшныя бури... Очень часто въ покойное теченіе людской жизни врываются горе, страданія, болѣзни — приходится терпѣть, мириться и бороться.

Счастливы тѣ, которые умѣютъ хорошо плавать... которые,—если тонетъ ихъ судно—не потеряютъ присутствія духа, будутъ бороться съ волнами, преодолевать подводные камни и мели и достигнуть берега... А достигнувъ его, послѣ потери корабля, своихъ близкихъ, имущества,—будутъ имѣть мужество и смиреніе сказать: «Господи, благодарю тебя за мое спасеніе: я перенесъ страшную бурю... Но я смиряюсь и счастливъ, что остался живъ. Жизненное море такъ велико, бури на немъ часты; много гибнетъ кораблей... многіе ищутъ спасенія... Можетъ быть мнѣ удастся кого-нибудь спасти и вытащить на берегъ».

И благо такому мужеству, такому смиренію!

Дядюшка Яковъ—офеня.

(Повѣсть).

I.

Время клонилось къ полудню. День былъ тихій, жаркій. Темное, синее небо раскинулось дивнымъ куполомъ: на немъ не видно было ни тучки, ни малѣйшаго облачка, лишь солнце радостно сіяло высоко—высоко. Надъ рѣкою стоялъ легкій, знойный туманъ, и берега казались задернутыми дымкой.

Изъ Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она впадаетъ въ Волгу, медленно выплылъ караванъ барокъ съ дровами. По этимъ связаннымъ между собою баркамъ бѣжали люди съ длинными шестами въ рукахъ, перекликались, суетились, волновались. Къ баркамъ подошелъ буксирный пароходъ и потянулъ ихъ противъ теченія.

Широкая, многоводная матушка-Волга сверкала и переливалась искристымъ блескомъ отъ солнечныхъ лучей. Оживленіе на рѣкѣ было необыкновенное: плыли взадъ и впередъ, пыхтя и подавая свистки, стройные, красивые пароходы американскаго типа; множество пассажировъ виднѣлось на нихъ: одни гуляли на палубѣ, другіе, облокотившись на перила, смотрѣли вдаль, наслаждаясь прекраснымъ днемъ и природой; иные же обѣдали, пили чай на воздухѣ, за столами, на-

крытыми бѣлыми скатертями... По Волгѣ, между тѣмъ, картина мѣнялась, какъ въ панорамахъ: гнались плоты другъ за другомъ, буксиры тащили барки, сновали лодки, перевоза пассажировъ съ берега на берегъ, иногда вдали показывалась красавица-бѣляна въ видѣ разукрашенной избы съ разрисованными пѣтухами. А берега, то низкіе, то высокіе, съ селами, лугами, лѣсами и прибрежными помѣстьями, то показывались, то скрывались изъ глазъ.

Волга въ это время, въ половинѣ іюля, была шумная, особенно оживленная: въ Нижнемъ-Новгородѣ начиналась ярмарка—туда-то многіе и спѣшили: кто купить, кто продать, а иные просто повеселиться, себя показать и людей посмотреть.

Караванъ барокъ съ дровами, вышедшій изъ Камы, шелъ теперь тихо по срединѣ рѣки; люди съ шестами успокоились, и, осторожно переступая по краямъ барокъ, собирались на первой баркѣ на носу. Это были рабочіе, въ лаптяхъ, въ изношенныхъ домотканыхъ рубахахъ, съ загорѣлыми, грубыми лицами... Они сѣли въ кружокъ, и тотчасъ же посреди нихъ на какомъ-то обрубѣ появился огромный горшокъ съ похлебкой. Мужики помолились и молча принялись за ѣду.

— А гдѣ же Яшка?—спросилъ кто-то.

— Вѣстимо гдѣ... Воду качаетъ, да воронъ на небѣ считаетъ,—отвѣтилъ чей-то молодой, насмѣшливый голосъ.

— Эй, дядя Яковъ!.. Яша-а-а!..—крикнуло нѣсколько голосовъ.

— И упрямый же онъ мужикъ, братцы!.. Слышать, что кликали обѣдать, а не идетъ,—сказалъ молодой парень съ веселымъ, задорнымъ лицомъ и съ курчавыми, черными волосами.

— Всегда надо его звать... Словно барина,—про-
ворчалъ съдой старикъ съ подслѣповатыми глазами.

— Онъ, что-то нынче, ребята, не веселъ,—сказалъ
мужикъ въ синей рубахѣ, сидѣвшій съ краю.

— Яковъ, Яковъ, Яшка!..—послышались опять го-
лоса, которые звонко отдавались по тихой поверхности
Волги.

Изъ глубины ближней барки, изъ четырехугольнаго
отверстія, показалась всклокоченная голова съ русыми,
густыми волосами, а затѣмъ вылезъ мужикъ. Это
былъ человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, дюжій,
въ заплатанной бѣлой рубахѣ, въ лаптяхъ. Воротъ у
рубахи былъ растегнутъ, со лба у мужика крупными
каплями капалъ потъ, волосы сбились на лбу. Лицо
у него было широкое, русское, добродушное, окаймлен-
ное окладистой, русой бородой; сѣрые, простодушные
глаза смотрѣли умно и пытливо. Такой типъ встрѣ-
чается повсюду въ русскихъ деревняхъ. ✓

— Ты что это, дядя Яковъ, привередничаешь? Зо-
вуть, а ты не идешь... Али сытъ?—спросилъ ста-
рикъ.

— Ничего, дѣдушка Миронъ. Обѣдъ не волкъ, въ
лѣсъ не убѣжить,—пошутилъ подошедшій, измѣнивъ
по-своему пословицу.

— Что и говорить... А вотъ въ ротъ мой убѣжить,
и поминай, какъ звали.—проговорилъ опять балагуръ.

Мужики расхохотались. Ихъ было человѣкъ пят-
надцать. Яковъ махнулъ рукой,—«дескать не велика
бѣда»,—присѣлъ на край приспособленной для си-
дѣнья доски, перекрестился и началъ ѣсть, загребая
медленно большой ложкой похлебку; другую руку онъ
подставлялъ подъ ложку, чтобы похлебка не про-
ливалась даромъ; затѣмъ онъ клалъ ложку на столъ,
откусывалъ большой кусокъ хлѣба, сосредоточенно

жевалъ его, опять бралъ со стола ложку, опять медленно забиралъ ею похлебку, подставлялъ подъ нее руку и несъ въ ротъ, широко открывалъ его и проглатывалъ все до капельки... Такъ ѣдятъ только проголодавшіеся люди послѣ тяжелаго, утомительнаго труда.

Дядя Яковъ былъ водоливецъ на баркѣ. Послѣ весеннихъ деревенскихъ работъ онъ вмѣстѣ съ одно-

сельчанами уходилъ съ караваномъ барокъ въ Нижній и всю дорогу жолобомъ откачивалъ воду, которая почти всегда просачивается внутрь барокъ. Работа эта была и утомительная, и скучная, но она давала мужику нѣсколько десятковъ рублей заработка, необходимыхъ для уплаты податей, такъ какъ земля у него была плохая и семья его очень нуждалась.

Рабочіе на баркѣ пообѣдали, но еще сидѣли въ кружкѣ и балагурили.

— Поди-ка-сь, дядя Яковъ на ярмаркѣ женкѣ да своимъ дѣвкамъ обновъ нонѣ закупить... Ему вѣдь прибавка: пятишница...—проговорилъ черноволосый парень, улыбаясь во весь ротъ.

— Да, накупимъ... Рогожъ да мѣшковъ,—невесело отвѣтилъ Яковъ и замолчалъ.

— Погуляемъ на ярмаркѣ-то... Ужо закутимъ, какъ купцы важнѣйшіе... У насъ карманы золотомъ набиты туго,—снова сказалъ парень, всталъ и притопнулъ ногами въ лаптяхъ.

— Гляди-ка-сь, Митяйка, у тебя дыра въ карманѣ... Все золото и просыпалъ, и гулять не на что,—замѣтилъ серьезный мужикъ въ синей рубахѣ.

Митяйка и всѣ другіе весело расхохотались; только Яковъ не улыбнулся.

Парень потянулся и проговорилъ:

— Эхъ-ма, пойду сосну: можетъ, хоть во снѣ на ярмаркѣ погуляю.

За нимъ, шутя и смѣясь, поднялись и другіе мужики. Знойный день особенно клонилъ ко сну, и вскорѣ всѣ разлеглись по баркамъ, кто въ тѣни, а кто на солнцѣ, подложивъ подъ голову полѣно.

На носу барки остались только Яковъ да косоглазый старикъ Миронъ. Имъ обоимъ не спалось.

— Ты что, Яша нонѣ шибко не весель?—спросилъ

старикъ сотоварища, сидѣвшаго опустивъ голову.

— Эхъ, дядя Миронъ, съ чего веселому-то быть?.. Самъ знаешь, какое нынче лѣто было... Хлѣба не радовали, трава тоже не задалась... Что станешь дѣлать?!

— Да... Вѣрно. Лѣто нынче дождливое.

— Тебѣ-то что... Ты бобыль. А у меня три дочери растутъ, жена, да мать старая... Вотъ тутъ и ломай голову... Я и то нынче Олену да Парашу въ работницы отдалъ,—намъ легче... Жена оцѣпъ обижалась... Да ничего не сдѣлаешь.

Въ это время на Волгѣ раздались какіе-то крики. Вдали шелъ плотъ, позади него пыхтѣлъ большой пароходъ, а посреди Волги виднѣлась огромная мель. Нужно было разойтись, не стукнуться, не сѣсть на мель. Сонные рабочіе повскакали, схватились за шесты, стали бѣгать, кричать; на пароходѣ вымѣряли глубину рѣки и громко выкрикивали: «пять съ половиной», «четыре», «три», «три»... Рулевые отводили пароходъ и барки лѣвѣе... На встрѣчномъ плоту тоже суетились...

А дядя Яковъ, спустившись внутрь своей барки, опять равномерно откачивалъ воду и думалъ свою горькую думу. Благополучно миновали мель... Надъ Волгой снова все стихло.

II.

Было воскресенье. На ярмарочной площади въ Нижнемъ, въ соборной церкви шла обѣдня. По временамъ раздавался благовѣстный звонъ колоколовъ, народъ толпился на паперти, входилъ и выходилъ. Кончилась обѣдня, и толпы народа разбрелись по всѣмъ направленіямъ. Флагъ былъ уже поднять, но на ярмаркѣ еще не расторговались: продавцы и по-